Счастливый цветокъ

Разсказъ
Л. А. Чарской

Изданіе т-ва М. О. Вольфъ
С.-Петербургъ и Москва

зала 18 20
шкафъ 90
полка 8
№ 143.

СЧАСТЛИВЫЙ ЦВѢТОКЪ

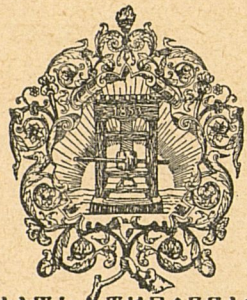
РАЗСКАЗЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Л. А. ЧАРСКОЙ

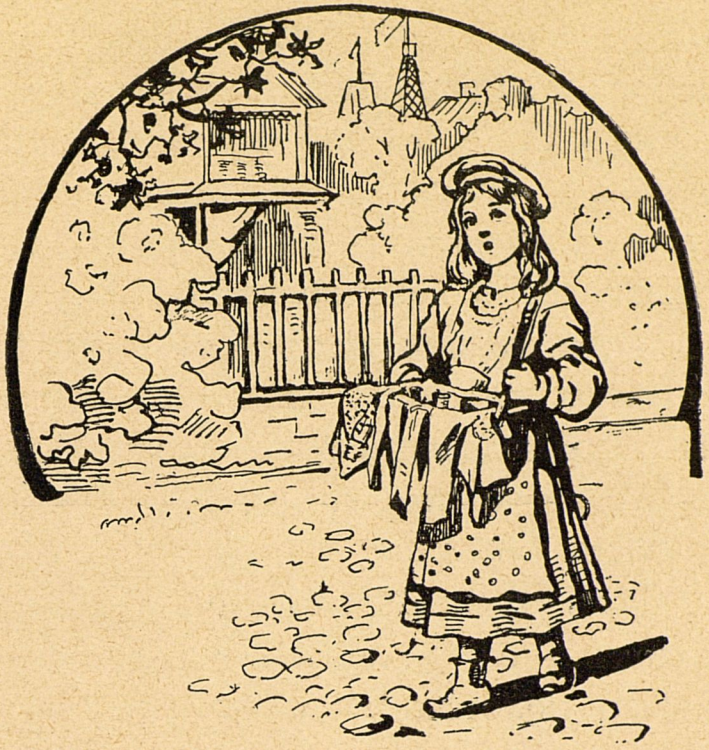
Съ рисунками И. Гурьева

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13.
МОСКВА
Кузнецк. М., 12 и Моховая, 22.

Гос. Публичная Б-ка



ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М·О·ВОЛЬФЪ
С-Петербургъ · Вас· Остр· 16 линія соб· домъ



Маня продаетъ свой товаръ...

I.

ИТКИ, тесемки, иголки, крючки, ленты, косынки, воротнички! — звенитъ, заливается колокольчикомъ свѣжій дѣтскій голосокъ на всю дачную мѣстность Зеленыхъ Горокъ.

Это Маня, торговка, дочь просвирни Иринушки, вдовы солдата, убитаго на войнѣ, продаетъ свой несложный товаръ, бѣгая по дачамъ.

Иринушка, оставшись послѣ смерти мужа съ тремя малолѣтними дѣтьми, принялась за печеніе просфоръ для сельской церкви Зеленыхъ Горокъ. Дѣло сначала

дачѣ никто не живетъ. Съ весны до весны стоитъ она пустая. Генералъ съ семействомъ проживаетъ гдѣ то за границей и никогда не пріѣзжаетъ сюда. Но дача въ его отсутствіи содержится такъ, какъ будто въ ней живутъ. Дорожки расчищены. Клумбы пестрятъ цвѣтами. Окна тщательно вымыты, а передъ домомъ разбитъ дивный цвѣтникъ съ рѣдкими, прекрасными цвѣтами.

Часто, проходя со своимъ коробомъ съ одного конца селенія на другой, Маня останавливается передъ запертыми на замокъ воротами и подолгу любуется прелестной дачей, утонувшей въ зелени сада, и далекими цвѣточками, отъ которыхъ протягивается къ ней сладкій, пріятный ароматъ.

Пустынная генеральская дача влечетъ къ себѣ неотразимо.

«Вотъ-бы гдѣ поселиться съ мамой, Дашей и Ванюшей,—не разъ мечтаетъ дѣвочка, заглядывая черезъ ворота во внутрь сада;—все равно пустая стоитъ, никто не живетъ, кромѣ садовника. Мы бы хоть домъ сторожили, полы въ немъ мыли и опять-же окна! А мѣста намъ не Богъ вѣсть сколько понадобилось бы!»

Но это были мечты, только мечты и оставались онѣ мечтами въ головѣ маленькой дѣвочки. Пустая дача стояла попрежнему необитаемой, а маленькая Маня ютилась съ матерью, сестренкой и братишкой въ убогой конуркѣ псаломщика, сдаваемой имъ за двѣнадцать рублей въ годъ, и бѣгала съ товаромъ по дачной мѣстности Зеленыхъ Горокъ.

IV.

— АХЪ! Что это?

Маня даже ротъ открыла отъ удивленія и остановилась, какъ вкопанная передъ воротами знакомой дачи.

Вчера еще эти ворота были закрыты на запорѣ, сейчасъ они настежь... Длинная аллея ведетъ къ крыльцу дома, а по аллеѣ навстрѣчу Манѣ бѣжитъ, подпрыгивая, очаровательный и нарядно одѣтый маленькій мальчикъ, лѣтъ восьми.

Его синіе глазки смотрятъ такъ привѣтливо и мягко на Маню-продавщицу, а розовыя губки еще издали улыбаются ей.

— Здравствуй, дѣвочка!—кричитъ онъ весело, кивая головкой.

— Здравствуй!

— Ты торговка? Какая маленькая! А что ты продаешь? Пирожки, конфетки?

— Нѣтъ, нитки, иголки, ленты, воротнички, косыночки...—смущенно отвѣчаетъ Маня, любуясь мальчикомъ.

Такихъ дѣтей, красивыхъ и нарядныхъ, она еще не встрѣчала въ своей жизни. И такихъ глазенокъ, ласковыхъ и добрыхъ, похожихъ цвѣтомъ на голубое небо, тоже не приходилось ей еще видѣть никогда

А мальчикъ смотрѣлъ на Маню и, болтая ноженкой, говорилъ:

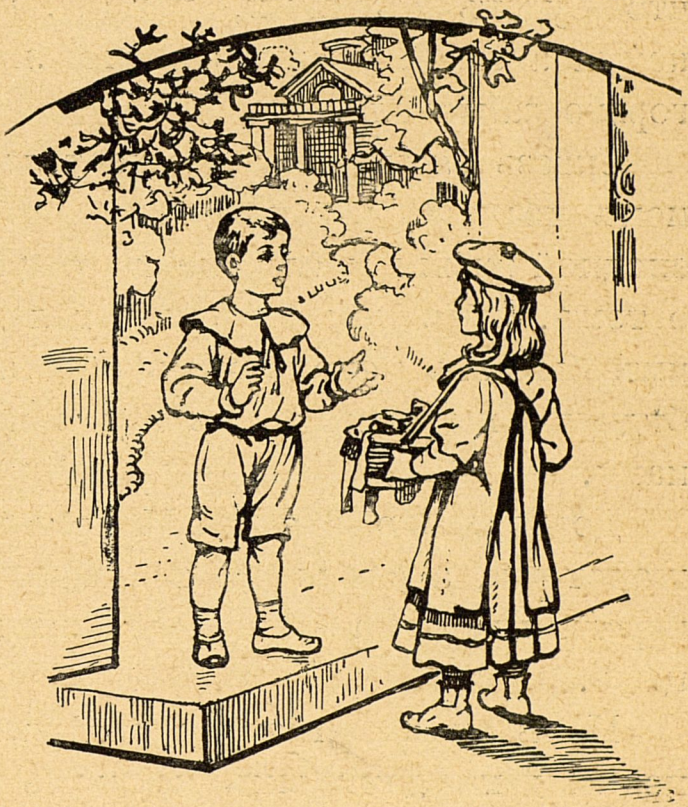
— Такъ ты торговка?.. Вотъ какъ! Маленькая торговка... Какъ жаль, что у меня нѣтъ денегъ, и я не могу купить у тебя что-нибудь. Правда, мы, мальчики, не носимъ лентъ и косынокъ, но я бы подарилъ ихъ моей гувернанткѣ, мадмуазель Луизѣ, и горничной Сашѣ. Я знаю, онѣ любятъ ленты, косынки. Вогъ-то онѣ бы обрадовались. Да вотъ бѣда, дѣдушки нѣтъ дома, онъ уѣхалъ въ городъ, а всѣ мои деньги спрятаны у него... Такая досада! Если бы я зналъ раньше!.. Но знаешь-ли что, дѣвочка: я у тебя выберу все, что мнѣ нравится, воротнички и ленточки, и косыночку для мадмуазель Луизы и Саши... и еще кое-что для жены садовника, старой Ѳеоктисты, а ты за деньгами приди завтра. Дѣдушка будетъ завтра дома. Я ему скажу и онъ тебѣ отдастъ. А чтобы тебя къ намъ пропустили, я тебѣ дамъ цвѣтокъ, бѣлый цвѣточекъ... лилію, мою любимую лилію. Ты приди къ намъ съ нею завтра и покажи ее прислугѣ и скажи: «молодой баринъ Витя (меня зовутъ Витей, Виталіемъ), далъ мнѣ цвѣточекъ и велѣлъ приходить»—тебя и пропустятъ. Увидишь! А пока постой минутку, я побѣгу, сорву тебѣ цвѣтокъ. Ты мнѣ отбери, тѣмъ временемъ, все самое лучшее изъ твоего товара.

И сказавъ это, мальчикъ помчался въ глубь сада, по направленію къ цвѣтнику, напѣвая себѣ подъ носъ какую то незнакомую Манѣ, непонятную пѣсенку.

V.

—Ну, что-жъ? Отобрала? Вотъ я принесъ тебѣ цвѣтокъ! Гляди! Самый красивый и большой, какой нашелъ у насъ на клумбахъ. Не забудь-же захватить его, когда придешь завтра!

И Витя подалъ дѣвочкѣ вѣтку бѣлыхъ лилій, на которой, какъ снѣжно-бѣлыя гроздья, распустились четыре пышныхъ бутона, издававшіе едва уловимый, нѣжный ароматъ.



— Я у тебя выберу все, что мнѣ нравится...

Маня смотрѣла восторженными глазами то на роскошныя лиліи, то на милое личико своего новаго знакомаго.

Потомъ, она дрожащими руками отобрала изъ своего товара все, что было лучшаго, и передала Витѣ.

— Неужели же ты это сама вяжешь?—удивленно вскинувъ глазенками въ лицо дѣвочки, обратился онъ къ ней съ вопросомъ, указывая на косынки и воротнички.

— Нѣтъ, это мама... А я продаю только... Но теперь и мама не можетъ работать... Она заболѣла...— Прошептала печальнымъ голосомъ Маня,—и я не знаю, что будетъ съ нами, когда... когда...—она не докончила своей фразы, закрыла лицо руками и горько, горько заплакала.

Сквозь слезы дѣвочка шептала о своемъ безвыходномъ положеніи, о нуждѣ, о болѣзни матери, о безысходной жизни послѣ смерти отца, убитаго на войнѣ, о томъ, какъ они бьются и голодаютъ, какъ тяжело имъ бываетъ порою, какъ ей безконечно жаль свою бѣдную, измученную въ трудѣ и заботахъ, больную маму.

Долго, долго шептала Маня тихимъ, прерывистымъ шопотомъ, а слезы все текли по ея лицу, падали на передникъ, и на бѣлый цвѣтокъ, зажатый въ пальцахъ.

И въ синихъ глазенкахъ Вити показались слезы, повисли на длинныхъ черныхъ рѣсницахъ и покатились по розовымъ щекамъ.

— Милая дѣвочка... Бѣдная дѣвочка...—зашепталъ онъ, обнимая Маню,—не плачь, пожалуйста, не плачь, я скажу дѣдушкѣ, онъ тебѣ поможетъ, только ты приди завтра, непремѣнно приди, и цвѣтокъ принеси, непремѣнно. А теперь, утри свои глазки и слушай...

Я тебѣ кое-что разскажу, только ты не плачь и не горюй. Слышишь, дѣвочка. Какъ тебя зовутъ?

— Маня!

— Ну, вотъ, Маня, слушай... Ты никогда не была за границей, въ Италіи, напримѣръ? Это страна такая. Я тамъ постоянно живу, потому что тамъ дѣдушка лечится... Тамъ жарко. И небо синее, синее... И море тоже! И апельсины на воздухѣ растутъ... И цвѣты, цвѣты! Пропасть! А итальянцы—всѣ съ темными, загорѣвшими лицами... Смѣшные! А только добрые и веселые! И поютъ!—просто прелесть! У дѣдушки вилла тамъ... Вилла, понимаешь? Это такая дача... И ступеньки отъ нея идутъ прямо къ морю... А въ Венеціи, городъ такой есть въ Италіи, такъ тамъ все въ лодкахъ катаются, по каналамъ... Вотъ бы тебѣ съѣздить, посмотрѣть. А? Вѣдь хорошо?.. Мой папа тоже умеръ... и мамы я не помню... Это было давно... давно.

Синіе глазки мальчика ласково сіяли Манѣ... Нѣжно звучалъ милый, добрый голосокъ... Таяло что то въ сердцѣ маленькой торговки—и отъ звуковъ этого милаго голоска, и отъ чистаго сіянія синихъ глазокъ.

Таяла горечь, обида на горькую судьбу и нужду. Захотѣлось и ей приласкать добраго, ласковаго мальчика. Она робко, нерѣшительно протянула ему ручонку.

— Витя! Витя!—прозвучалъ въ эту минуту издали женскій голосъ, и свѣтлое платье замелькало въ зелени кустовъ.

— Это мадмуазель Луиза зоветъ меня. Надо бѣ-

жать,—зашепталъ тревожно Витя,—я побѣгу... А ты приходи! Слышишь, приходи завтра съ цвѣткомъ. Непремѣнно приходи! Я тебѣ деньги отдамъ и еще про Италію разскажу, много, много!—и, чмокнувъ наскоро Маню въ мокрую отъ слезъ щечку, онъ забралъ свои покупки и козликомъ запрыгалъ по дорожкѣ сада.

VI.

—Ну, что принесла? Сколько? — услышала Маня хриплый, слабый голосъ матери, лишь только дѣвочка вошла въ убогую комнатку съ единственнымъ окошкомъ, съ нищенской обстановкой въ видѣ ломаной кровати, кривого стола, трехъ, четырехъ табуретокъ и ветхаго сундука въ углу.

Ванюша, игравшій щепками на полу въ углу комнаты, вскочилъ при видѣ сестры и бросился къ ней.

— Купила колбаски къ ужину?—спросилъ онъ, и, замѣтивъ бѣлую лилію въ рукахъ старшей сестры, прибавилъ:—Гляди-ка, мама, цвѣтокъ у нея!

— Ну, что-жъ ты молчишь, Манютка! Сколько выручки нынче принесла?—раздраженнымъ голосомъ повторила свой вопросъ Иринушка.

Она была очень слаба, блѣдна и худа. Провалившіеся глаза горѣли лихорадочнымъ огнемъ. Ссохшіяся губы потрескались отъ жара. Болѣзнь, нужда, вѣчныя заботы сдѣлали Иринушку раздражительной и нетерпѣливой.

И сейчасъ, въ ожиданіи долго не возвращавшейся Мани, она негодовала на дѣвочку за нерадивость и неумѣніе повести бойко торговлю. А тутъ еще Дашутка съ Ваней поминутно приставали къ матери, напоминая о томъ, что они голодны, и просили хлѣбца.

Появленіе Мани было встрѣчено общимъ оживленіемъ. Всѣ были убѣждены, что Маня продастъ хотя немного товара и на вырученныя деньги купитъ хлѣба, колбасы.

— Ну, что же? Давай скорѣе! Показывай, что купила! — нетерпѣливо крикнула дочери больная мать.

Но Маня вмѣсто отвѣта протянула Иринушкѣ бѣлый цвѣтокъ и лепетала что то о завтрашнемъ днѣ, о барчукѣ Витѣ, о забранномъ въ долгъ товарѣ, о жаркой странѣ, синемъ морѣ и черныхъ, какъ трубочисты, итальянцахъ...

— Батюшки! Да ты никакъ съ ума сошла, Манюрка! За какой-то тамъ дурацкій цвѣтокъ, даромъ товаръ отдала! — закричала на дочь больная, — а мы голодные здѣсь сиди, по твоей милости. Ребятки то отощали... У Ванюшки маковой росинки во рту съ утра не было! О, Господи! наказаніе мое!

И больная, уткнувшись въ подушку, горько, жалобно заплакала.

Заплакала, глядя на мать, и Дашутка. Захныкалъ и Ванюшка, и только бѣдная Маня стояла съ виновато опущенной головкой, прижимая къ груди бѣлый нѣжный цвѣтокъ, который, думалось дѣзочкѣ, долженъ былъ принести ей счастье.

VII.

— КУДА лѣзешь? Ты зачѣмъ? И безъ тебя дѣла по горло! Проходи своей дорогой, дѣвочка, проходи!

— Барчукъ меня позвали... я не отъ себя... Товару они у меня намедни взяли, велѣли за деньгами нынче придти... Вотъ и цвѣточекъ дали... чтобы, значитъ, пропустили меня къ нимъ! — лепетала смущенная Маня, стоя передъ высокимъ лакеемъ во фракѣ, загородившимъ ей дорогу на крыльцо.

— Ладно, ладно! Проваливай! Знаемъ мы васъ, попрошаекъ! — грубо выпроваживалъ дѣвочку слуга. — Ходите здѣсь, ходите, а тамъ, глядишь, и не досчитаешься ложекъ серебряныхъ, или еще чего... И выговоръ, смотришь, отъ генерала. Ступай, ступай, честью тебѣ говорятъ! — и, взявъ за плечи дѣвочку, онъ легонько оттолкнулъ ее отъ крыльца.

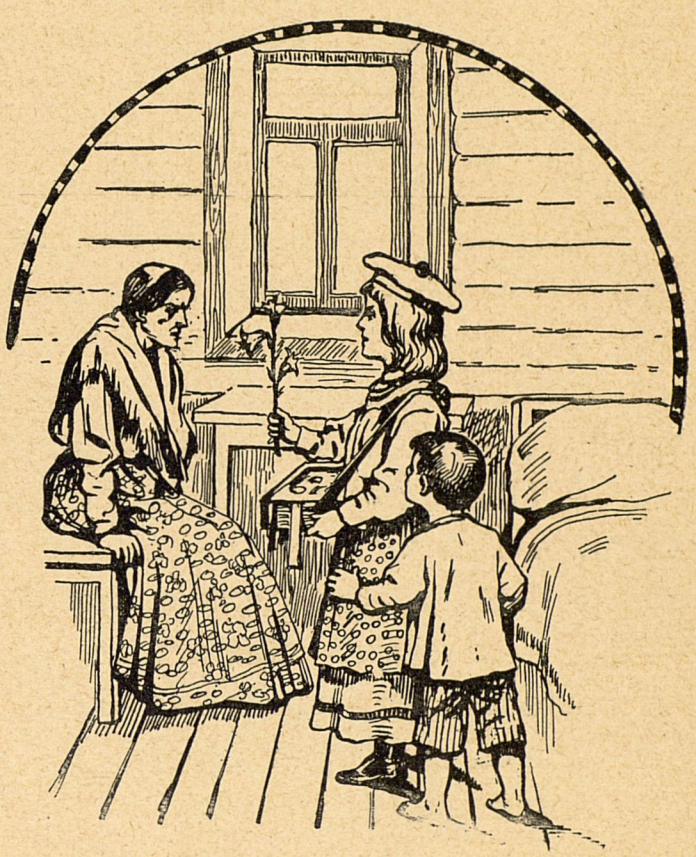
Съ отчаяніемъ въ сердцѣ Маня побрела назадъ по ровной, усыпанной желтымъ пескомъ, дорожкѣ обратно къ воротамъ. Что ей было дѣлать теперь? Сердитый лакей выгналъ ее, барчукъ Витя не отдалъ обѣщанныхъ за товаръ денегъ, дома ждутъ ея возвращенія голодныя дѣти, больная мать .. Голова шла кругомъ у Мани... путались мысли... то билось, то сжималось сердце.

Что дѣлать? Что дѣлать?...

Убитая горемъ, безпомощная, прислонилась она къ стволу дерева и закрыла глаза. Плакать она уже не могла. Ея горе было сильнѣе слезъ.

А кругомъ благоухали цвѣты, пѣли въ травѣ кузнечики, чирикали на деревьяхъ птицы. Наверху голубѣло небо, плыли облака... Внизу пышно и красиво зеленѣли кусты, травы пестрѣли цвѣточками.

Жизнь казалась вокругъ такой красивой и праздничной и только въ душѣ бѣдной дѣвочки разросталась огромная, тяжелая, какъ камень, тоска.



Маня протянула Иринушкѣ бѣлый цвѣтокъ...

— Вотъ она, дѣдушка, вотъ она! Пришла и цвѣтокъ мой принесла, видишь, видишь?—услышала Маня за спиной знакомый, милый голосокъ и, быстро обернувшись, увидѣла Витю, спѣшившаго къ ней вмѣстѣ съ высокимъ, бѣлымъ какъ лунь, одѣтымъ въ статское платье, важнаго вида старикомъ.

— Вотъ она, эта дѣвочка—Маня! Видишь, дѣдушка, она тоже военнаго дочка, солдатика, убитаго на войнѣ... Здравствуй, Маня! Вотъ тебѣ золотой, дѣдушка далъ! Возьми, спрячь его хорошенько!

И Витя одною рукою обнялъ дѣвочку, а другою совалъ ей въ руку новенькую, блестящую золотую монету.

Маня растерялась.

Забраннаго товару было всего на рубль, самое большое, а тутъ ей давали цѣлыхъ десять рублей!

Она вспыхнула, покраснѣла... и съ сіяющими отъ удовольствія глазами проговорила тихо:

— Спасибо! Дай вамъ Богъ здоровья! Ради бѣдности нашей возьму! А вотъ и вашъ цвѣтокъ, молодой баринъ,—прибавила она, обращаясь къ мальчику.

— Цвѣтокъ оставь себѣ на память,—улыбаясь сказалъ Витя.

— Въ какомъ полку служилъ твой папа, дѣвочка!—спросилъ Витинъ дѣдушка, глядя на Маню внимательными, зоркими глазами, въ которыхъ не наблюдалось ни гордости, ни строгости и которые такъ походили на синіе глаза Вити.

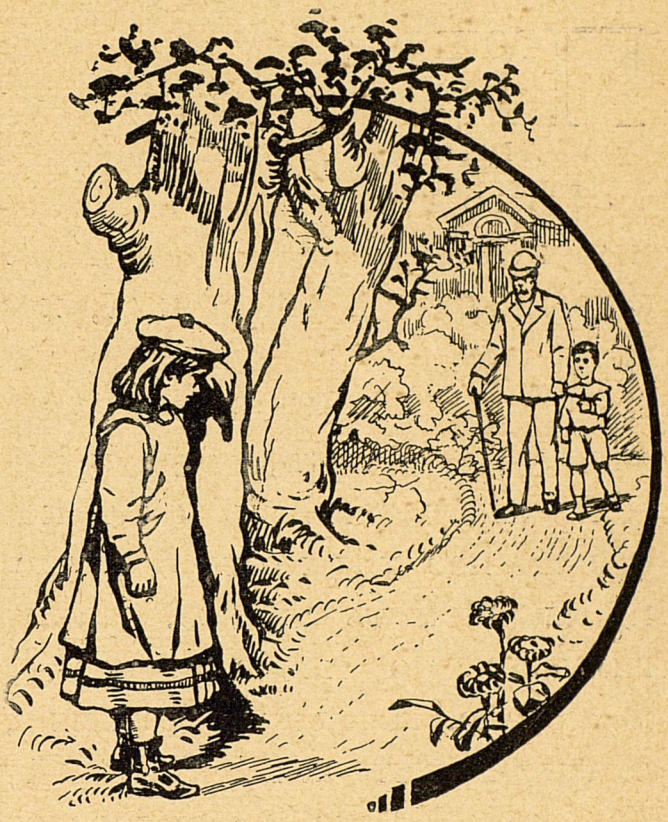
Маня назвала полкъ отца. Лицо старика-барина стало еще привѣтливѣе. Улыбка прошла по нему.

— Мой полкъ,—произнесъ онъ съ ласковой грустью,—когда-то я имъ командовалъ. Давно, давно... Что же вы послѣ отцовой смерти очень нуждаетесь, дѣвочка?

— Очень, баринъ,—искренно вырвалось у Мани, и слезы блеснули въ ея свѣтлыхъ глазахъ.

Старикъ сталъ подробно разспрашивать обо всемъ дѣвочку, и она откровенно разсказала ему все: и про нужду, и про несчастливую торговлю, и про болѣзнь матери, и про голодъ и нищенскую жизнь ихъ семьи.

Долго и внимательно слушалъ старый баринъ. Слушалъ и Витя, то и дѣло смаргивая слезинки съ длинныхъ, темныхъ рѣсницъ.



Маня прислонилась къ стволу дерева...

А когда Маня закончила свою исповѣдь, старый баринъ погладилъ ее по бѣлокурой головкѣ и сказалъ ласково:

— Ступай домой, дѣвочка, предупреди мать, что мы съ Витей вечеркомъ навѣдаемся къ вамъ въ гости и потолкуемъ, что можно сдѣлать для облегченія вашей судьбы.

И, кивнувъ съ доброй улыбкой Манѣ, отпустилъ ее.

Держа въ одной рукѣ цвѣтокъ, въ другой—золотой, Маня бѣгомъ направилась домой.

— Вотъ то обрадуется мама!—думала она всю дорогу.

VIII.

ПРОШЛО три года.

Витя со своимъ дѣдушкой снова за границей, въ Италіи.

Но во время ихъ отсутствія не стоитъ пустынно и тихо старая генеральская дача. Въ ней, вмѣстѣ съ садовникомъ и его женою, хозяйничаетъ солдатская вдова Иринушка, которую теперь всѣ зовутъ уже Ириной Степановной. Она зимою присматриваетъ за домомъ, а лѣтомъ, когда пріѣзжаетъ изъ-за границы генералъ, управляетъ всѣмъ хозяйствомъ. Манѣ нѣтъ больше необходимости бѣгать съ коробомъ по дачамъ и выкрикивать товаръ. Маня учится въ городской гимназіи, по милости того-же генерала. И учится прекрасно. Каждое воскресенье, каждый праздникъ—она проводитъ на генеральской дачѣ, въ родной семьѣ. Дашута и Ванюшка подросли и поправились такъ, что ихъ и узнать трудно. Поправилась и Иринушка, поздоровѣла и точно помолодѣла.

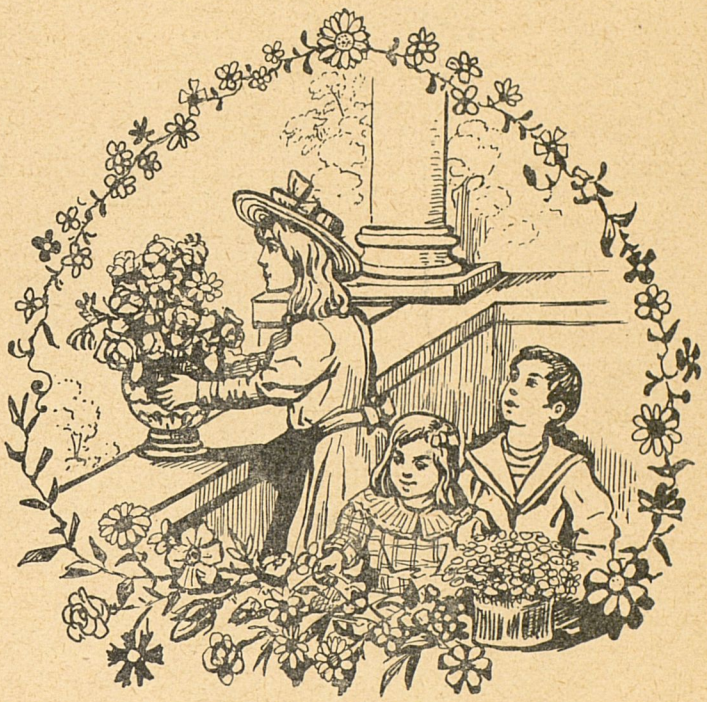
Генералъ одѣлъ и обулъ съ ногъ до головы всѣхъ ея ребятишекъ, положилъ ихъ матери приличное жалованье и далъ имъ большую, свѣтлую комнату въ домѣ.

Мечты Мани сбылись. Она жила теперь въ прекрасной генеральской дачѣ, гуляла по роскошному

саду и любовалась лѣтомъ на чудесные цвѣты, которые когда-то такъ привлекали своимъ видомъ бѣдную уличную торговку.

IX.

Опять наступило жаркое лѣто. Подошелъ іюнь. Цвѣты на клумбахъ еще не успѣли расцвѣсти, какъ слѣдуетъ, но дикій шиповникъ въ концѣ сада пышно цвѣтетъ и благоухаетъ на своихъ колючихъ кустахъ.



Маня разставляетъ вазы съ цвѣтами...

Нынче утромъ пришла телеграмма отъ генерала:

«Пріѣзжаемъ къ вечеру завтра».

Стало быть, сегодня. Дѣти Ирины Степановны съ утра нарядились въ лучшіе свои костюмы, тѣ, что прислалъ имъ къ Свѣтлому празднику генералъ изъ-за границы. И съ утра отправились въ дальній уголъ сада, къ кустамъ шиповника. Ванюшка съ тачкой, Дашутка съ корзинкой... Рѣшено нарвать цвѣтовъ, собрать имъ въ придачу колокольчиковъ въ

полѣ, бѣлой ромашки, незабудокъ въ лѣсу и наполнить ими всѣ вазы и бокалы, разставивъ ихъ въ комнатахъ дома. Витя ихъ такъ любитъ!

Маня рветъ цвѣты и передаетъ ихъ сестренкѣ и братишкѣ... А память подсказываетъ дѣвочкѣ о другомъ цвѣткѣ. Цвѣткѣ бѣлой лиліи, подаренномъ ей когда-то Витей! Этотъ бѣлый цвѣтокъ тщательно засушенъ ею. Онъ лежитъ между страницами евангелія и чтится, какъ святыня, всею семьей Иринушки.

Этотъ бѣлый цвѣтокъ былъ точно посланъ самимъ Богомъ бѣднымъ людямъ и принесъ имъ счастье, огромное счастье на всю жизнь.

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

20. 90. 8. 143.

39915

1911 г.